В рамках дискуссии

DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-4-10

Гибридные войны в контексте постглобализации

Дмитрий Геннадиевич ЕВСТАФЬЕВ

кандидат политических наук, профессор, департамент интегрированных коммуникаций, факультет коммуникаций медиа и дизайна
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
101000, Малый Трехсвятительский пер., д. 8/2, стр. 1, Москва,
Российская Федерация
E-mail: devstafiev@hse.ru
ORCID: 0000-0002-6276-0342

Андрей Викторович МАНОЙЛО

доктор политических наук, кандидат физико-математических наук, профессор,
ведущий научный сотрудник, отдел Европы и Америки, ЦНИИ глобальных
и региональных проблем
Институт научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН),
117418, Нахимовский проспект, д. 51/21, Москва, Российская Федерация
E-mail: cyberhurricane@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-8142-9110

ЦИТИРОВАНИЕ: Евстафьев Д.Г., Манойло А.В. (2021). Гибридные войны в контексте постглобализации // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 14. № 4. С. 160–175. DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-4-10

Статья поступила в редакцию 24.11.2020.

АННОТАЦИЯ. Процесс милитаризации информационного пространства сегодня ведет к изменению взглядов на силовые методы изменения геополитического баланса. Наиболее приемлемыми становятся методы, по своей природе ограничивающие возможности эскалации, хотя и создают риски хаотизации значимых пространств. Это резко повышает интерес крупнейших игроков в системе международных отношений к инструментарию межгосударственной конкуренции, включающему военно-силовые методы, но находящемуся ниже уровня классического конфликта.

Прежде к применению этой категории методов (основанных на технологиях информационного, психологического и кибернетического воздействия) относились с опаской: еще пять-семь лет назад эти методы были несовершенными, не давали гарантированного результата, несли в себе высокие риски раскрытия установочных данных на самих организаторов нападения и использовались в основном в сочетании с более надежными, мощными и отлаженными методами прямой военной агрессии. Сегодня такими инструментами стали гибридные войны, представляющие

собой сложный феномен, включающий в себя разнородные инструменты политического, информационного и военно-силового характера. Интегрирующей платформой для гибридных войн становятся новые возможности цифрового информационного общества. С появлением и практической апробацией в последние годы модели гибридных войн, структурным усложнением, надстройкой военно-силовыми инструментами мир, очевидно, входит в принципиально новую политическую эпоху, когда гибридные войны и в особенности информационно-манипулятивные методы выдвигаются на первый план и становятся основным инструментом реализации государственной политики. Для России это означает существенное изменение пространства конкуренции с другими странами и необходимость надстройки внешней политики новыми возможностями, выходящими за рамки классической дипломатии и недостаточно развитой в России «мягкой силы».

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: гибридные войны, информационные войны, полувойенные формирования, киберударные средства, мягкая сила.

Введение

Стимулированные пандемией коронавируса глобальные трансформации в настоящее время сдерживаются глобальной геоэкономической взаимозависимостью, ограничивая возможный спектр инструментов межгосударственной конкуренции и воздействия на враждебные страны. С учетом кризиса международного права и запаздывания формирования нового правового пространства постглобального мира [Цыганков, 2014, с. 222–223] в сфере во-

енно-силового взаимодействия важнейших государств мира возникает новое пространство операционной свободы, активно используемое новыми центрами силы для формирования контролируемых «пространств влияния». Задача США – доминирующей силы в системе международных отношений периода глобализации – заключается в сдерживании этих тенденций, управлении ими при сохранении за собой статуса главной регулирующей силы в международных отношениях. США активно используют свое доминирование в сфере информационных технологий и контроль над важнейшими глобализованными каналами коммуникаций, но с учетом снижения возможностей США в формате классической «мягкой силы» [Нье, 2004], отражающего внутренние процессы в самих США, этого оказывается недостаточно для построения некоего «нового мирового порядка». США постепенно утрачивают способность ограничивать развитие геоэкономической регионализации и политической полицентричности. На первый план выходит концепция «мирового беспорядка» [Хаас, 2019], что на практике означает не просто переход к ситуативности правил игры, но и использование технологий «управляемого хаоса», предполагающее тесную увязку информационно-манипулятивных и военно-силовых инструментов в низшей части спектра конфликтов.

Подобное развитие процессов глобальных трансформаций повышает востребованность комплексных форматов политического влияния, включающих информационные манипуляции, меры политико-административного воздействия на конкурентов, экономическое давление. Как результат становится все более востребованной модель так называемых гибридных войн, ранее сформирова-

рованная почти умозрительно¹. Эта модель превращается в организационную основу для увязки военно-силовых методов воздействия на оппонентов / конкурентов, информационных войн и политико-информационных манипуляций и киберударных средств, востребованность которых также существенно выросла². Гибридные войны рассматриваются как относительно безопасная с точки зрения потенциала эскалации в условиях глобальной неопределенности модель трансформации пространства и влияния на враждебные политические режимы.

Методы информационных манипуляций сами по себе становятся все менее эффективными для достижения политических целей и тем более – для социального конструирования в социально-информационном пространстве противника / конкурента, особенно в условиях его противодействия. В дальнейшем это будет требовать дополнения информационно-манипулятивных методов киберударами и точечным использованием политико-силовых методов. США заинтересованы в удержании модели «гибридных войн» на максимально низком уровне задействования военно-силовых средств, а желательно – ограничении ситуации уровнем информационных манипуляций и киберударных средств, где они на сегодняшний момент обладают преимуществом контроля над ключевыми каналами глобальных коммуникаций и цифровыми информационными технологиями. Милитаризация глобального информационного пространства ста-

новится очевидным фактом. Эти тенденции отмечались в работах как российских, так и зарубежных специалистов [Simons, 2019].

Оппоненты США на локальных конкурентных площадках, напротив, будут заинтересованы в повышении уровня «силовой насыщенности» конкуренции, поскольку это дает легитимные возможности повышения интенсивности противостояния, а в случае, если технология гибридных войн применяется в отношении конкретного государства, – применения всей полноты национальной мощи на определенном пространстве в отношении тех сил, которые поддерживаются США. Это может дать более слабому противнику локальное операционное и политическое преимущество, заставив США выбирать между повышением уровня эскалации и вовлеченности в конфликт и отказом от решительных целей. Подобная ситуация возникла в ходе попытки США перевести кризис в Венесуэле в военно-силовое русло с использованием местной вооруженной оппозиции в мае 2020 г. (операция «Гедеон») и контролируемых частных военных компаний (ЧВК).

Для США прямое применение военной силы, несмотря на сохранение глобального военно-политического доминирования, сопряжено с целым рядом специфических внутри- и внешнеполитических проблем. Напомним, что даже в отношении операций войск специального назначения в Ливии в ходе окончательного свержения режима М. Каддафи США были вынуждены получить мандат Совета Безопасности ООН.

1 Как таковой термин «гибридная война» не является полностью корректным. Применение этой платформы в нижней части «спектра конфликтов» диктует использование термина «гибридный конфликт». В немалой степени это связано и с тем, что в большинстве случаев такого рода политических и военно-силовых конфликтов не требуется соблюдение политико-правовых процедур, как это требовалось бы в случае, если бы мы имели дело с полноценной «войной». Но термин «гибридная война» на сегодняшний день является доминирующим в политологической, политической и экспертной среде и употребляется авторами именно по этой причине.

2 Knake R. (2018). The Next Cyber Battleground. Defending the U.S. Power Grid from Russian Hackers // Foreign Affairs, July 19, 2018 // <https://www.foreignaffairs.com/articles/north-america/2018-07-19/next-cyber-battleground>, дата обращения 25.05.2021.

Другой вопрос, что технологии информационно-политических манипуляций интенсивно осваиваются другими игроками на государственном (Китай, прежде всего, Россия, Индия) и на корпоративном уровне, а по мере их удешевления тактические манипуляции станут доступны еще более широкому числу игроков. Это заставит и США, и других крупных игроков корректировать сегодняшние подходы к силовому компоненту гибридных войн в сторону расширения возможностей.

Эта диалектика представляется определяющей с точки зрения понимания особенностей политики главных игроков в процессах глобальных трансформаций. Фактически модель гибридных войн поглотила концепцию «информационных войн», ранее, на этапе «поздней глобализации», считавшуюся главным инструментом межгосударственной конкуренции.

Опорная гипотеза авторов сводится к следующему.

Гибридные войны становятся все более востребованным политическим «зонтиком» не только для интеграции ключевых инструментов межгосударственной конкуренции ниже уровня обычной войны (требующей соответствующих политических и экономических процедур), но и для политической легализации таких методов конкуренции, а при необходимости – и низкоинтенсивного противоборства.

В статье рассматриваются следующие принципиальные вопросы:

- особенности гибридных войн как инструмента государственной политики, перспективы его развития в постглобальную эпоху;
- роль и место технологий пропаганды и информационных манипуляций в современной системе глобальной конкуренции;
- систематизация участников гибридных конфликтов, анализ их роли в

информационных манипуляциях и социальном конструировании;

- задачи, связанные с повышением эффективности российской политики по нейтрализации гибридных угроз.

Эти вопросы связаны с определением места гибридных войн в современной глобальной политике и выявлением возникающих в процессе развития гибридных конфликтных ситуаций системных связей между различными макросистемами национального, регионального и глобального уровня, включая глобальное информационное общество, значение которого в постглобальном мире растет.

Модель гибридных войн при всех ее особенностях возвращает нас к вопросу о том, что войны и вооруженные конфликты являются, прежде всего, социальным и политическим феноменом, а не столько военно-техническим [Кошкин, 2019, с. 23–35]. Это понимание положено авторами в основу методологии проводимого исследования.

Ограничения, на которые обращают внимание авторы, сводятся к двум моментам: с одной стороны, динамичность развития политического оформления гибридных войн, во многом обусловливаемая отсутствием четкого правового оформления этой модели даже в США, где она политически легализована с 1980-х годов. С другой стороны, скрытый характер подготовки к ведению подобных конфликтов, когда даже имеющиеся доктринальные документы могут носить дезинформационный характер. Основным источником для изучения гибридных войн, таким образом, становятся не официальные документы, а анализ конкретных ситуаций, где гибридные методы противоборства были задействованы.

Предположение, положенное в основу данной работы, сводится к следующему тезису:

Дальнейшее рассмотрение «информационных войн» как самостоятельного феномена не является актуальным. Необходимо их переосмысление в качестве важной, но не единственной составной части концепции гибридных войн, наиболее эффективных в сочетании с иными методами воздействия, включая и силовые.

Как результат методологически представленная работа основана на комплексном понимании феномена гибридных войн и приоритете их социального воздействия на объект, которым является политическая власть и социальная система конкретного государства.

Гибридные войны: формы, методы и мифы

Развитие форматов межгосударственной конкуренции, относящихся к нижней части военно-политического спектра, ставит вопрос о характере и возможной динамике развития такого феномена современного глобального политического пространства, как гибридные войны. Современные гибридные войны стали результатом технологической «революции» в сфере информационных войн, произошедшей в 2014–2015 гг., фактически подтолкнувшей процесс «сборки» различных невоенных форм силового подавления противника под общим «зонтичным» брендом, но с опорой на новые информационные возможности. При этом данный процесс носил методологически произвольный и политически мотивированный характер [Коньшев, Парфенов, 2019].

Другим источником возникновения этой модели воздействия на геополитических и геоэкономических конкурен-

тов стали социальные процессы в большинстве предпостиндустриальных и постиндустриальных стран. Эти процессы отражали глубину социальной атомизации, разрушения традиционных социальных институтов общества, а также традиционных моделей потребления информации³.

Специалисты справедливо отмечают, что гибридные войны как категория политического, военно-политического и военного планирования не является по своей сути революционной, а продолжает и развивает заложенные в предыдущие военно-политические эпохи модели борьбы с враждебными государствами, режимами и политическими силами [Тиханыхев, 2020], но на новой технологической базе. Другой важной особенностью современного этапа в развитии геополитической ситуации становится принципиальная возможность использования данной модели конкурентной борьбы не только государствами, но и крупнейшими глобальными корпорациями. Это отчасти возвратит нас в период борьбы за колониальный раздел мира, когда государства и крупнейшие корпорации того времени могли ситуативно быть как партнерами, так и конкурентами.

Характерно, что в 1981 г. появилась первая версия полевого устава *FM 100-20*, посвященного разнородным действиям в конфликтах низкой интенсивности. Это отражало тогдашнюю геополитическую конъюнктуру, попытку создать, а главное – легализовать новое направление политико-силового противоборства с Советским Союзом. В дальнейшем, вплоть до 1991 г., устав совершенствовался с учетом нарабатываемого в локальных конфликтах и кризисах опыта. А психологические операции яв-

3 В данном случае принцип потокового потребления информации, сиюминутности ее существования и почти моментальной реакции [Rushkoff, 2013] трансформируется в принципиально новый уровень требований к системам управления социальными процессами.

лялись важнейшим элементом такого противоборства ниже уровня обычной войны, которой США в тот период хотели избежать. Термин «военные операции, отличные от войны», в 1993 г. заменивший понятие «конфликт низкой интенсивности», расширял политические возможности военно-политического руководства США, но одновременно сокращал потенциал прямого использования военной силы [Батюк, 2018].

Тем не менее конфликты, относимые американскими специалистами к категории CTNA (*Counterterrorism, Counterinsurgency and Nation Assistance*), оставались одной из наиболее непроработанных концептуально и операционно, откровенно «зонтичных» категорий военного конфликта [Дроздов, Маркин, 2007]. Ценность данной категории заключалась в возможностях легитимизации действий правительства в условиях «дискуссионности» (неясности) политических целей.

Нынешний исторический этап имеет схожие черты с серединой 1980-х годов, что отражает суть инструментов межгосударственной конкуренции в нижней части «спектра конфликтов»: гибридные форматы политико-силового воздействия, включая и информационно-манипулятивные методы, становятся наиболее востребованными в периоды, когда возможности прямого применения военной силы ограничены, а политический инструментарий не дает решительных результатов при значительных организационных затратах.

Термин «гибридные войны», введенный Ф. Хоффманом еще в 2007 г. [Hoffman, 2007], но все это время мирно прозябавший на периферии дискуссий о природе современной войны, стал неким «зонтичным брендом», удобным для объединения и политической легализации действий в разнородных ситуациях, где информационные манипуляции становились неотъемлемой частью военно-силовых действий с минимизированным участием государства. С этой целью термину «гибридные войны» было придано новое доктринальное звучание. Он был включен в систему инструментов полноценной военной стратегии, предусматривающей одновременное комбинированное использование различных видов неконвенционной вооруженной борьбы, – информационных, дипломатических, экономических («торговых») войн, диверсионно-подрывных операций (таких, как современные цветные революции), нередко сопровождающихся применением методов, характерных для транснациональных преступных организаций, сетевых террористических группировок III (таких, как «Аль-Каида») и IV (таких, как ИГИЛ) поколения⁴, наркокартелей и т.д.

Классические боевые операции вооруженных сил не потеряли свою значимость, но стали использоваться реже (по сравнению с теми же «торговыми войнами»), избирательнее и в основном для публичного «наказания» и унижения и так уже сломленного противника, утратившего волю к сопротивлению;

4 «Аль-Каида» и ИГИЛ – террористические организации, запрещенные в РФ. Международные террористические организации III поколения – это сетевые трансграничные организации холдингового типа, не признающие суверенитет и границы национальных государств, состоящие из конспиративных ячеек регионального уровня, объединенных в единую диверсионно-террористическую сеть; каждая ячейка отвечает за контроль определенной территории – ее зоны операционной активности, «домашнего региона»; сами ячейки квазиавтономны и действуют независимо друг от друга, за исключением случаев, когда их силы и ресурсы специально объединяются центральным командованием террористической организации ради проведения совместных операций. Типичными примерами международных террористических организаций III поколения являются «Аль-Каида» и «Братья-мусульмане» (запрещенные в РФ). К международным террористическим организациям IV поколения относятся и «Исламское государство» (запрещено в РФ) – сетевая террористическая организация, ставящая своей целью создание квазигосударства («халифата»). Ячейки этой организации становятся центрами военно-гражданского управления территориями, включенными в «халифат» на правах отдельных провинций-«вилаяетов».

такого противника сначала «ломают» с помощью информационной, торговой, дипломатической войны, партизанских (повстанческих), диверсионно-террористических операций (включая акции так называемого государственного терроризма⁵), а затем – «добивают» с помощью прямого вооруженного вторжения (интервенции), если это требуется.

Гибридные войны можно определить следующим образом: модель комплексного воздействия на противника с целью частичной или полной дестабилизации его социально-политической системы, оказания влияния на политический курс государства, характер и состав политической власти, эффективность государственных институтов, без перехода грани формального объявления этому государству войны и даже с сохранением с ним дипломатических отношений.

Главное отличие гибридной войны от конфликта низкой интенсивности, – возможность постановки задачи тотального разгрома противника, его территориального расчленения и даже демонтажа его государственности, хотя в большинстве случаев ставится задача смены политического режима. Второе важное отличие – возможность функциональной интеграции на одной платформе различных элементов воздействия на противника, как военно-политических, так и принадлежащих к другим отраслям. Принципиально более высокий уровень адаптивности модели к меняющейся ситуации и социально-политическому контексту использования военно-силовых инструментов [Бартош, 2019], вероятно, надо считать

принципиальным отличием нынешнего подхода к гибридным войнам.

Модель гибридного политико-информационного противостояния построена на том, чтобы максимально долго поддерживать у противника ощущение, что он продолжает действовать в режиме «игры с ненулевой суммой»⁶, тогда как ситуация уже давно переместилась в формат «нулевой суммы» и создает критические риски для одного из участников ситуации, в особенности если это действующая власть. Но ограниченность вовлеченности в противоборство иницирующей силы создает возможности, порой иллюзорные, выхода из столкновения без существенных политических и имиджевых потерь.

Эффективное использование потенциала гибридных войн – это вопрос операционного конструирования минимально достаточного потенциала для решения адекватно поставленной задачи. Большинство необходимых компонентов находятся уже в наличии и присутствуют в регионе в «разобранном состоянии». Их остается только собрать в определенной конфигурации и под конкретную задачу.

Наиболее важными задачами в управлении гибридными войнами становятся:

- формирование организационного «каркаса» и системы управления разнородными силами и средствами, задействованными в конкретной ситуации / операции;
- ситуативная интеграция киберударных средств функционально и содержательно в общую систему воздействия на конкурента / оппо-

5 Государственный терроризм (юр.) – форма применения насилия, в ходе которого одно государство применяет методы террора против другого государства. Объектом государственного терроризма может быть только государство в целом.

6 В модели гибридных войн внутренние аспекты ситуации в стране становятся куда более важными, нежели внешнеполитические с точки зрения оценки ситуации «выигрыш / проигрыш», что принципиально меняет модель управления конфликтов, выводя на первый план проблематику сохранения социальной и социально-политической устойчивости [Шеллинг, 2014, с. 98]. Этим модель гибридных войн принципиально отличается от модели «ограниченных войн», особенно с учетом современной разницы в используемых инструментах.

нента в данном конкретном времени и пространстве, что дает существенный синергичный эффект, причем на различных операционных площадках⁷;

- информационное обеспечение проводимых операций / управление кризисом с целью формирования медийной картины происходящего, выгодной доминирующей стороне, причем от реальной действительности она могла бы быть сравнительно далеко;
- обеспечение деградации социально-экономической составляющей общественного сознания общества противника, выведение дестабилизируемого общества в пространство социально-экономической иррациональности⁸;
- формирование потенциала наращивания силового давления, не переходя грань обычной войны. Начало розыгрыша гибридной конфронтационной ситуации без возможностей усиления в процессе игры означает заведомый ее проигрыш.

При подобном подходе контроль информационного пространства как с точки зрения содержательного информационного доминирования в противоборстве, так и для сохранения управляемости социально-политических процессов, становится решающим фактором, особенно с точки зрения непрерывности управления социально-политическими процессами в режиме реального времени. Информационные манипу-

ляции и киберударное воздействие на важнейшие социальные и политические системы государства – объекта гибридных войн важны тем, что они выполняют функцию интегратора, содержательной основы для всех иных инструментов воздействия на противника, способствуют преодолению имманентной мозаичности и слабой управляемости иных участников противоборства.

Актеры гибридных войн, инструменты и ресурсная база: обобщение

Формат гибридных войн могут использовать различные игроки, как государства, так и частные компании, решающие коммерческие задачи в сложных политических условиях. Они выступают в качестве бенефициаров гибридных войн, но стремятся не быть непосредственными их актерами. В этом и заключается привлекательность модели.

В полной мере осуществлять управление инструментарием такого формата конкуренции сейчас могут только государства, а корпоративные структуры играют зачастую роль операционного посредника, хотя ситуация может в обозримой перспективе и измениться с учетом их растущего потенциала. Операционные участники («актеры») гибридных войн подбираются ситуативно, с учетом интересов и возможностей конечных бенефициаров.

Возникновение и стремительное развитие новых форм и методов воору-

7 Технология дестабилизирующей работы одновременно на нескольких географических площадках (Россия, Армения, Европа) за счет содержательно однонаправленных информационных манипуляций в социальных сетях была апробирована в ходе осеннего конфликта в Нагорном Карабахе (Макарычев М. (2020). Выявлена масштабная кампания по дезинформации о конфликте в Карабахе» // Российская газета. 17 ноября 2020 // <https://rg.ru/2020/11/17/vyjavlena-masshtabnaia-kampaniia-po-dezinformacii-o-konflikte-v-karabahe.html>, дата обращения 25.05.2021).

8 Заслуживает внимания замечание британской исследовательницы философии войн Мэри Калдор, сделанное, впрочем, до широкомасштабного ренессанса концепции «гибридных войн» в 2012 г.: «...Новые войны – это некое социальное положение, проявляющееся по мере того, как увядает формальная политическая экономия». М. Калдор отмечает, что именно поэтому такого типа конфликты крайне сложно закончить [Калдор, 2016, с. 235].

женной борьбы невоенного характера привело к существенному изменению качественного состава ее участников: взамен регулярных армий на передний план выдвинулись:

- криминальные, мафиозные вооруженные формирования транснациональных структур организованной преступности, среди которых особое место заняли наркокартели;
- вооруженные формирования международных террористических организаций и группировок;
- незаконные вооруженные группировки экстремистского характера, существующие под патронажем специальных служб различных государств (так называемые «прокси»-формирования, или, пользуясь современным сленгом, – «зелень»);
- иррегулярные, зачастую полукриминальные группировки, негласно поддерживаемые и подпитываемые официальными властями (с помощью которых власти давят протесты в стране, то есть опосредованно применяют методы террора в отношении несогласного населения и оппозиционных социальных групп; к ним можно отнести такие группировки, как «коллективос» в Венесуэле, басиджи в Иране⁹, «титишки» на Украине и др.): их ценность в том, что государство не обязано брать на себя ответственность за их действия;
- наемники в традиционных формах организации, хотя значение их падает;

- родовые, племенные ополчения, возглавляемые племенными вождями (шейхами), характерные для регионов, сохранивших родо-племенной уклад и трайбалистское устройство общества.

Эти неклассические акторы идеально подходят для ведения гибридных войн нового типа – особой мобильной диверсионно-террористической квазиповстанческой войны, на три четверти состоящей из тайных операций и оперативных комбинаций спецслужб (включая разведки наркокартелей, транснациональные ОПГ, службы безопасности ТНК и госкомпаний и т.д.), в которых традиционные армии оказываются слишком неповоротливыми и поэтому бессильными.

Но в плане качества и структурной сложности новых акторов наблюдается регресс и возвращение к архаике: снова в региональных вооруженных конфликтах значительную роль начинают играть разнообразные родо-племенные ополчения, возглавляемые племенными вождями и военачальниками, набранными из племенной знати; организованные по криминальному принципу банды наркокартелей и сцементированные примитивной средневековой идеологией (создававшейся для малограмотных селян и неграмотных бедуинов) террористические организации типа ИГИЛ¹⁰.

Переходное место в этой линейке неклассических акторов заняли частные военные компании (ЧВК), ставшие чем-то средним между наемниче-

9 Отметим, что иранские «басиджи» (полное наименование Нируе Могаветмате Басидж (перс.) – «Мобилизация сил сопротивления», добровольное военизированное формирование, подчиненное Корпусу стражей исламской революции) сыграли центральную роль в подавлении попыток «цветной революции» в Иране летом 2009 г. Роль «басиджей», помимо выполнения силовых функций, обеспечивавших власти социальную опору в широких слоях общества (в «простом народе»), важна еще и тем, что они своим соучастием в подавлении оппозиционных выступлений социально легитимизировали насилие со стороны власти в момент, когда сложились практически все политические условия для успешной «цветной революции» [Филин, 2015]. Это подчеркнуло критичность «проекции» полувоенных структур в социальное пространство, чего не происходило в большинстве других случаев.

10 Запрещенная в РФ террористическая организация.

ством, криминалом и регулярными армейскими формированиями. Стремление некоторых ЧВК сохранить армейскую или полицейскую структуру (т.е. выстроить свою деятельность по регулярному – армейскому – принципу) дало им возможность легализоваться и использовать (частично) в проводимых ими боевых или обеспечивающих операциях преимущества регулярных форм ведения боевых действий. Становясь «регулярными», упорядоченными, эти структуры потеряли мобильность, начав уступать вооруженным отрядам наркокартелей или террористических группировок.

Изменился и сам характер ведения боевых действий: войны стали сетевыми, или сетцентричными, характерными для разведывательно-диверсионной, карательной, террористической, повстанческой / партизанской и контрпартизанской деятельности. Некоторые военные эксперты стали называть этот вид войн войнами шестого поколения [Слипченко, 2002] и связывать с развитием военного искусства, появлением новых форм и методов ведения вооруженной борьбы. Соглашаясь в целом с тем, что развитие военного искусства может привести к переходу войн в сетевой формат, с неизбежной архаизацией, отметим, что сетевая форма современных гибридных войн связана, скорее, не с особыми преимуществами ее стратегии и тактики, а с затруднительностью выстраивания эффективной универсальной системы оперативного управления всеми видами неклассических акторов, участвующих в гибридной войне на твоей стороне: в этой войне с боевыми формированиями наркокартелей или иных транснациональных преступных группировок приходится взаимодействовать одним образом, с племенными ополчениями – другим, с «титущками» – третьим и т.д. Сетевая организация военно-силово-

го пространства конфликта становится единственным вариантом, обеспечивающим одновременность и сбалансированность задействования всех этих сил и средств.

Роль и место различных акторов гибридных войн разобраны в таблице.

Такая пестрота и неунифицируемость акторов гибридных войн, их принципиальная несводимость к «единому знаменателю», в том числе и с точки зрения механизмов управления, несет в себе и определенные преимущества, позволяющие вести войну по «проектному» принципу. Если необходимо провести конкретную боевую операцию в определенном регионе, где действуют наркокартели или повстанцы, то ресурс для этой операции можно собрать прямо на месте из «деталей конструктора»: так, военную силу можно взять у радикальных повстанческих движений или ЧВК (можно взять и армейский или полицейский спецназ), систему снабжения и связи предоставят в распоряжение наркокартели, диверсантов дадут «прокси» или террористические группировки, разведку обеспечат трансграничные структуры организованной преступности, деньги на операцию обеспечит сбыт кокаина или синтетических наркотиков, которые всегда можно обменять на оружие или боевиков, а «народ» и «демократию» будут представлять шейхи – племенные вожди. Важным элементом становится и возможность быстро и безболезненно вывести того или иного актора из ситуации, причем не только в форме «эвакуации», но и объявляя его враждебной силой.

Подобным потенциалом обладает только государство, которому в случае возникновения кризиса в «гибридном конфликте» придется выходить из геополитической «тени», что одномоментно обнулит все операционные и политические преимущества гибридных войн, включая и упоминавшуюся воз-

Таблица. Акторы гибридных войн: принципы интеграции в систему гибридной войны
Table. Actors of hybrid wars: Principles of integration into the “hybrid war” system

	Кейсы	Тип гибридной ситуации с наибольшей эффективностью	Ресурсная база	Роль в социальном конструировании	Роль в информационных войнах	Примечание
Ополчения	Сирия Ирак Афганистан Египет Ливия	Гражданская война	Местное население – локальный уровень. Самообеспечение	Средняя – обеспечивают стабильность на определенной территории, но не устойчивую лояльность	Низкая – не являются активными игроками (объект манипуляции)	Привязаны географически к району
ЧВК	Сирия Ирак Ливия	Гражданская война Гражданская нестабильность после окончания гражданской войны. Гражданский конфликт на этно-религиозной основе	Внесистемные элементы у себя на родине. Контрактные отношения	Низкая – выделены из социального пространства, изолированы от социальных процессов	Низкая	Стратегия использования – минимизация социального взаимодействия с местным населением
Официальные военизированные формирования	Иран Сирия	Начальная фаза гражданского конфликта	Активисты локального и регионального уровня	Могут обозначать варианты официальной политической позиции	Средняя – могут быть источником политических коммуникаций	Главный вопрос – проблема политической лояльности
Криминальные структуры	Венесуэла Сирия (контрабандисты) Украина Гонконг США	Гражданские беспорядки на фазе нарастания	Локальный уровень	Основа для структур, альтернативных власти	Низкая – выполняют роль информационного «громоотвода»	Дестабилизирующий фактор, заинтересован в ослаблении любой государственности
Иррегулярные военизированные формирования («титишки» и проч.)	Венесуэла Египет Сирия Украина Белоруссия	Гражданские беспорядки, зачастую на фазе появления альтернативных контуров управления	Локальный уровень. Региональный уровень	Кадровый или социальный «лифт» в случае победы	Средняя / высокая (Украина) – смысл информационной деятельности в завышении своей значимости или демонизации оппонентов	На Украине присутствовали во всех эпизодах гражданского конфликта со стороны всех участников

возможность выйти из конфликта без серьезных политических потерь.

Это дает возможность осуществлять параллельное социально-политическое конструирование и решать задачи, связанные с использованием силового потенциала (нейтрализацию силовых оппонентов, контроль пространства и т.д.).

Вместо заключения: инструменты политики в эпоху гибридизации угроз

Складывающаяся в глобальной экономике и политике ситуация резко повышает востребованность низкоинтенсивных методов межгосударственной конкуренции и противоборства, но главное – требует их легализации в национальном правовом пространстве, вывода их за пределы зоны «тайных операций» и превращения их в нормальные, в чем-то даже – естественные форматы межгосударственного взаимодействия и конкуренции, приемлемые с точки зрения внутренней политики. Допустимость подобных методов с точки зрения международного права уже не играет решающей роли, что доказывает принципиальное изменение характера допустимых методов информационного противоборства [Черныш, Попов, 2019]. Отметим также, с одной стороны, сохранение надпространственного характера информационных войн в силу их «выведенности» за пределы регулируемых международным правом методов межгосударственного противоборства, с другой – возможность при условии контроля каналов коммуникаций гибкой качественной синергии с низкоинтенсивными инструментами межгосударственной военно-политической конфронтации. Современные

гибридные войны могут рассматриваться в качестве варианта стратегии не прямых действий [Лиддл Гарт, 2012] в условиях нехватки ресурсов, испытываемой всеми игроками ограниченных конфликтов.

Успешность государств в условиях гибридизации конкуренции и противоборства на глобальном и региональном уровне обуславливается их способностью к проактивности, действиям на условно внешних площадках, сбалансированностью имеющихся у государства инструментов конкуренции и устойчивостью социальных систем.

С организационной точки зрения определяющим фактором становится возможность обеспечения максимальной гибкости государства в использовании доступных инструментов воздействия. В операционной плоскости возникает пять главных вопросов:

- Наличие политического консенсуса внутри страны о возможности использования средств межгосударственной конкуренции в нижней части спектра. Как минимум политическая легализация подобных методов, наличие внятной системы принятия решений и управления ресурсами.
- Корректное целеполагание применительно к конкретному пространственному и социальному контексту, постановка достижимых задач, что может быть результатом только качественного прогноза, в том числе – стратегического¹¹.
- Наличие достаточного человеческого потенциала для формирования различных, часто – не пересекающихся информационно-социальных и социально-силовых систем воздействия на потенциального противника.

¹¹ Американские специалисты склонны объяснять провалы в ходе поствоенной стабилизации в Ираке (после 2004 г.), когда ситуация перешла в фазу конфликта низкой интенсивности и конструирования нового государства отсутствием единого контура целеполагания и управления [Scheurer, 2008, pp. 222–226].

- Наличие систем (контура) единого управления, обеспечивающего централизованное управление используемым потенциалом межгосударственной конкуренции (сейчас потенциал злоупотребления операционной свободой существенно больше, чем в Афганистане при развертывании операции «Несокрушимая свобода»), в частности, предотвращения возникновения рисков для самой страны – инициатора гибридного противостояния.
- Прямой контроль над основными технологическими инструментами, используемыми в ходе информационно-политических манипуляций. Следует предположить, что значение технологического фактора в межгосударственном противоборстве будет постоянно расти.

Технология гибридных войн является близкой к идеальной с точки зрения системы государственного управления и политических процессов для стороны, обладающей инициативой, но не уверенной в наличии политической воли у правящей элиты и достаточной поддержки общества в геополитической и / или геоэкономической конфронтации с другими крупнейшими игроками. Это, например, сейчас происходит в США, России и даже в Китае, что предопределяет рост интереса к данной модели и ее качественное совершенствование.

Россия уже сейчас втянута в целый ряд ситуаций, которые могут быть прямо отнесены к категории гибридного противоборства. Но организационно-политическое оформление (если упрощать, – легализация) таких методов противоборства и технологического обеспечения пока находится на относительно низком уровне и требует значительных ресурсов и организационных усилий.

Повышение конкурентоспособности России в рассмотренном новом формате межгосударственной конкуренции возможно, но только на новом уровне осмысления политических, социальных и операционных аспектов пространства этой конкуренции и при повышении качества управления ресурсами.

Список литературы

Бартош А. (2019). Модель гибридной войны // Военная мысль. 1 мая 2019 // <https://vm.ric.mil.ru/Stati/item/191517>, дата обращения 25.05.2021.

Батюк В.И. (ред.) (2018). Конфликты низкой интенсивности в американской военно-политической стратегии в начале XXI века. М.: Весь мир.

Дроздов Ю.И., Маркин А.Г. (2007). Наглый орел – 2007 (Разведка и война в системе США). М.: Артстиль-полиграфия.

Калдор М. (2016). Новые и старые войны: организованное насилие в глобальную эпоху. М.: Издательство Института Гайдара.

Кокошин А.А. (2019). Вопросы прикладной теории войны. М.: ВШЭ.

Коньшев В., Парфенов Р. (2019). Гибридные войны: между мифом и реальностью // Мировая экономика и международные отношения. Т. 63. № 12. С. 56–66. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-12-56-66

Лиддл Гарт Б. (2012). Стратегия не-прямых действий. М.: Астрель.

Слипченко В. (2002). Войны шестого поколения. Оружие и военное искусство будущего. М.: Вече.

Тиханьчев О.В. (2020). Гибридные войны: новое слово в военном искусстве или хорошо забытое старое? // Вопросы безопасности. № 1. С. 30–43. DOI: 10.25136/2409-7543.2020.1.30256

Филин Н.А. (2015). Неудавшаяся революция цвета Ислама. Причины подъема и упадка Зеленого движения. М.: ЛЕНАНД.

Хаас Р. (2019). Мировой беспорядок. Американская внешняя политика и кризис старого порядка. М.: АСТ.

Цыганков П.А. (2014). Политическая динамика современного мира: теория и практика. М.: МГУ.

Черныш А.Я., Попов В.В. (2019). Об эволюции теории и практики единого информационного пространства и первоочередных мерах по его развитию в интересах повышения эффективности управления национальной обороной Российской Федерации // Военная мысль. № 9. С. 47–54 // <https://cyberleninka.ru/article/n/ob-evolyutsii-teorii-i-praktiki-edinogo-informatsionnogo-prostranstva-i-pervoocherednyh-merah-po-ego-razvitiyu-v-interesah/viewer>, дата обращения 25.05.2021.

Шеллинг Т. (2014). Стратегия конфликта. М.: ИРИСЭН, Социум.

Hoffman F.G. (2007). Conflict in the 21st Century: The Rise of Hybrid Wars, Arlington, VA: Potomac Institute for Policy Studies.

Nye J.S. (2004). Soft Power. The Means to Success in World Politics, New York: Public Affairs.

Rushkoff D. (2013). Present Shock. When Everything Happens Now, New York: Current.

Scheurer M. (2008). Marching towards Hell. America and Islam after Iraq, New York: Free Press.

Simons G. (2019). Digital Communication Disrupting Hegemonic Power in Global Geopolitics // Russia in Global Affairs, no 2 // <https://eng.globalaffairs.ru/articles/digital-communication-disrupting-hegemonic-power-in-global-geopolitics/>, дата обращения 25.05.2021.

Under Discussion

DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-4-10

Hybrid War as a Part of the Post-global World

Dmitry G. EVSTAFIEV

PhD in Politics, Professor, Department of Integrated Communications, Faculty of Communications Media and Design

National Research University Higher School of Economics, 101000, Malyj Trekhsviatitsky per., 8/2, bld. 1, Moscow, Russian Federation

E-mail: devstafiev@hse.ru

ORCID: 0000-0002-6276-0342

Andrey V. MANOILO

DSc in Politics, PhD in Physical and Mathematical Sciences, Professor, Leading Researcher, Department of Europe and America,

Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN), 117418, Nakhimosvkiy av. 51/21, Moscow, Russian Federation

E-mail: cyberhurricane@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-8142-9110

CITATION: Evstafiev D.G., Manoilo A.V. (2021). Hybrid War as a Part of the Post-global World. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 14, no 4, pp. 160–175 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-4-10

Received: 24.11.2020.

ABSTRACT. *The ongoing process of militarization of the informational environment leads to the evolution of approaches to the force-based methods of transformation of the geopolitical balance. It appears that the methods based upon the capabilities to limit the escalation appear to be the most acceptable. However, they open the door for chaotization of viral regions. That increases sharply the interest of the key players in the world politics towards this model of interstate competition that includes military means but is still below the level of classic conventional conflict. Earlier the use of such methods based upon the methods of interrelated informational, psychological and cyber-informational influence were addressed with caution since even 5–7 years ago these methods were*

not properly elaborated yet and did not give guaranteed results, as well as were related to the high risks of disclosure of the basic information about the organizers of actions and mostly were regarded as supplementary element to the more robust and tested methods of direct military aggression. Nowadays the leading role in the spectrum of military instruments is occupied by the hybrid wars that are a complex phenomenon that includes diverse instruments of political, informational and military (force) nature. The new potential of digital information society serves as an integrating basis for hybrid wars. With their emergence and practical approbation of the new model of war as well as their structural sophistication integration with the force instruments world enters a drastically new

political era in which hybrid wars and especially the methods of informational manipulations take the leading roles and become the major instruments of the implementation of the state politics. For Russia that means a substantial change of the environment for competition with other countries as well as for an ultimate necessity to supplement to the foreign policy inventory with the new capabilities that go beyond classic diplomacy and also beyond the soft power potential that is rather underdeveloped in Russia.

KEYWORDS: hybrid wars, informational wars, paramilitary units, cyberstrike means, soft power.

References

- Bartosh A. (2019). The Model of Hybrid War. *Voennaya mysl'*, May 1, 2019. Available at: <https://vm.ric.mil.ru/Stati/item/191517>, accessed 25.01.2021 (in Russian).
- Batuk V. (ed.) (2018). *Low Intensity Conflict in American Military-Political Strategy in the Beginning of XXI Century*, Moscow: Ves' mir (in Russian).
- Chernysh A.Ya., Popov V.V. (2019). On the Evolution of Theory and Practice of the Integrated Information Environment and Urgent Steps for Its Development to Sophisticate the Management System of National Defense of the Russian Federation. *Voennaya mysl'*, no 9, pp. 47–54. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/ob-evolyutsii-teorii-i-praktiki-edinogo-informatsionnogo-prostranstva-i-pervoocherednyh-merah-po-ego-razvitiyu-v-interesah/viewer>, accessed 25.05.2021 (in Russian).
- Drozov Yu.I., Markin A.G. (2007). *Perky Eagle-2007 (Intelligence of War in the USA System)*, Moscow: Artstil'-poligrafiya (in Russian).
- Filin N.A. (2015). *Unsuccessful Revolution of Islamic Color. The Source of Rise and Decline Green Movement*, Moscow: LENAND (in Russian).
- Haas R. (2019). *A World in Disarray. American Foreign Policy of the Crisis of Old Order*, Moscow: AST (in Russian).
- Hoffman F.G. (2007). *Conflict in the 21st Century: The Rise of Hybrid Wars*, Arlington, VA: Potomac Institute for Policy Studies.
- Kaldor M. (2016). *New and Old Wars. Organized Violence in a Global Era*, Moscow: Izdatel'stvo Instituta Gajdara (in Russian).
- Kokoshin A.A. (2019). *The Issues of Applied Theory of War*, Moscow: HSE (in Russian).
- Konysh V., Parfenov R. (2019). Hybrid Wars – between Myth and Reality. *World Economy and International Relations*, vol. 63, no 12, pp. 56–66 (in Russian). DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-12-56-66
- Liddel Hart B. (2012). *Strategy: The Indirect Approach*, Moscow: Astrel' (in Russian).
- Nye J.S. (2004). *Soft Power. The Means to Success in World Politics*, New York: Public Affairs.
- Rushkoff D. (2013). *Present Shock. When Everything Happens Now*, New York: Current.
- Schelling T. (2014). *The Strategy of Conflict*, Moscow: IRISJeN, Socium (in Russian).
- Scheurer M. (2008). *Marching towards Hell. America and Islam after Iraq*, New York: Free Press.
- Simons G. (2019). Digital Communication Disrupting Hegemonic Power in Global Geopolitics. *Russia in Global Affairs*, no 2. Available at: <https://eng.globalaffairs.ru/articles/digital-communication-disrupting-hegemonic-power-in-global-geopolitics/>, accessed 25.05.2021.
- Slipchenko V. (2002). *Sixth Generation's Wars. Weapons and Art of War in the Future*, Moscow: Veche (in Russian).
- Tikhanychev O.V. (2020). Hybrid Wars: A New World in the Art of War or the Well Forgotten Old Story? *Security Issues*, no 1, pp. 30–43 (in Russian). DOI: 10.25136/2409-7543.2020.1.30256
- Tsygankov P.A. (2014). *Political Dynamics of Contemporary World: Theory and Practice*, Moscow: MSU (in Russian).